
Он будто слился с "путешественником" воедино.

Глубокой ночью над Золотым озером безмолвно царила бескрайняя тишь. Утопленники, очевидно до смерти боявшиеся крокодилового мужчину, попрятались в озерных водах.

Хижина пока что была в безопасности.

Чжо Юй затащил еще живого Фан Хао в шкаф. Вроде как уберечь, а на самом деле - подальше с глаз. В конце концов, пока еще ему не хотелось никого убивать на съемках этого триллера. Да и смысла в этом не видел. Самому оборвать чью-то жизнь или защищаться, давая отпор - разница, как между небом и землей.

Тем более сейчас противник был совершенно беспомощен.

Чжо Юй не собирался опускаться так низко. Да и прикончить слабака - невелико удовольствие.

Вместо этого ему куда сильнее хотелось разобраться, что творится на Золотом озере. Припомнив крокодилю маску, он вдруг ощутил что-то знакомое.

Крокодил...

Точно! В "Семидневных беседах" же упоминался крокодил!

Чжо Юй осторожно раскрыл потрепанную книгу и на этот раз внимательно ее изучил.

История эта началась две тысячи лет назад.

Знойным летом, когда всё увядало, а почва трескалась от жары, племя Весеннего источника страдало от засухи. Много-много дней кочевали они, пока не отыскали в горах родник. Там они и остановились на привал, вдоволь напившись.

Миновало более десяти дней, и они вскоре поняли, что в этом месте таится нечто чудесное. Раны не гноились, больной скот выздоравливал. Алчный вождь решил, что это благодатный край, и запланировал великую стройку, чтобы обратить его в свои родовые земли, где он мог бы жить всегда.

Но они вырубали деревья, загрязняли источник, потревожив божество волшебного края. То божество едва лишь родилось и было слабым. Оно робко предостерегло вождя покинуть эти земли, но вождь заподозрил в нем лазутчика других племен и схватил его, крепко связав.

Так в первую ночь Семидневных Страстей вождь отсек новорожденному божеству голову.

К его удивлению, наутро божество сидело в темнице целое и невредимое, даже без единой

царапины на шее. Вождь несказанно поразился, но и пришел в великую ярость. Он был воином и не встречал твари, которую не смог бы убить!

Днем вождь следил за работами и очень уставал, потому казнить узника мог лишь ночью.

На вторую ночь Семидневных Страстей божество скормили болотным крокодилам.

Быть сожранным крокодилами - пожалуй, жесточайшая смерть по тем временам. В ужасных муках тело божества было растерзано в клочья. Когда вождь уже упивался собственной мудростью, этот неубиваемый пленник вновь предстал перед ним невредимым.

Это привело воинственного и кровожадного вождя в неистовство.

На третью ночь настал черед костра. Божество привязали к столбу, и языки пламени дюйм за дюймом обугливали и стягивали его нежную кожу. Но оно опять уцелело.

На четвертую ночь вождь созвал всё племя и объявил божество демоном, посланным небесами помешать им остаться здесь. И сотни людей, кромсая ножами, освежали божество заживо.

Дойдя до этого места, Чжо Юй невольно нахмурил брови. Невежество и упрямство этих дикарей повергли его в изумление, вызвав необычайное отвращение к их поступкам. Казалось, из самых его недр поднимается неиссякаемая ненависть. Чжо Юй опомнился, лишь когда понял, что судорожно стиснул кулак. Из ладони и из-под ногтей сочилась кровь.

Что это значит? Неужто персонаж, которого он играл, что-то об этом знал? Отсюда и такая бурная реакция?

Чжо Юй не прервал чтения и продолжил листать дальше.

Ранним утром пятого дня божество, от которого остался лишь скелет, вновь обросло плотью, став невредимым, как прежде. Но божество тоже чувствовало боль. Оно не понимало, за что с ним так обращаются, и оторопело смотрело в небо.

Тут к нему приблизился юноша. Божество узнало его. Минувшей ночью это был единственный человек, не причинивший ему вреда.

Казалось, юноша всей душой сострадал мукам божества. Он украдкой принес воды из источника и припасенной еды, желая искупить зло, причиненное божеству его племенем. Пусть он и понимал, что всё тщетно. Пусть знал, что его раскроют. Пусть знал, что его избьют до полусмерти.

Ему понадобилось огромное мужество, чтобы приблизиться к узнику.

Божество не приняло даров. Оно лишь одарило юношу улыбкой - такой непорочной! В ней не было и тени обиды.

В тот миг юноша влюбился в это божество. А божество прониклось любовью к доброму юноше.

На пятую ночь Семидневных Страстей соплеменники, некогда свежавшие божество заживо, видя, что оно всё так же бессмертно, решили, что эта сила пригодится племени. Они рьяно расписывали выгоды от присоединения к ним, сулили вместе истреблять врагов, грабить их земли. Алчные рожи не таясь глумились. Даже юношу принуждали уговаривать божество. Но все эти попытки были для божества лишь кощунством. Юноша накрепко сомкнул губы, не желая более осквернять слух своего избранника ни единым словом.

На шестую ночь припасы стали истощаться, а племя перестало называть своего пленника неблагодарным глупцом. Но вовсе не потому, что прониклось к нему признательностью, о нет, они просто осознали, что тот способен отращать себе новую плоть. И стали обращаться с ним, как со скотиной. Резали на мясо. И пожирали божество.

Юноша, томимый любовью, обезумел. Схватив нож, он напал на вождя, но был скручен толпой и брошен в клетку.

В последнюю, седьмую ночь Семидневных Страстей, божество увидело, как эти люди, истинные демоны в человеческом облике, отсекали голову юноше из их же племени и содрали с него кожу.

В тот миг божество, стойчески сносившее любые мучения, внезапно разразилось горестным воплем. Оно рыдало кровавыми слезами и вскоре пало мертвым. Вождь склонился послушать его дыхание и биение сердца. На этот раз божество и впрямь умерло.

...Его сердце умерло.

Неспособное к смерти, в конце концов все же погибшее божество было сброшено в источник, став Фонтаном юности.

Дочитав книгу, Чжо Юй мрачно застыл в коляске, его пальцы дрожали.

Как личность, он не должен был испытывать столь сильных чувств, проникаясь этой историей. Ведь он сам писал ужасы. Он повидал примеры жестокости куда чудовищней, серийных убийц пострашнее. Но "Семидневные беседы" заставили его прочувствовать всё так, словно он лично был там.

К тому же, "Семидневные беседы" - религиозное сказание. Возможно, непосвященным многие сцены в нем покажутся до абсурда гротескными, призванными сгустить краски и живописать людскую порочность до омерзения. В реальном обществе не может быть столько зла.

Но Чжо Юй понимал: вся эта история - идеальное описание "эффекта Люцифера".

Стэнфордский университет однажды провел исследование. Добровольцев разделили на две группы: заключенных и охранников. В итоге был сделан вывод - даже человек, представлявший окружением крайне кротким, обретя абсолютную власть, силу и непререкаемый авторитет, под влиянием обстоятельств способен обратиться в жестокого изверга, истязавшего слабых.

В этом-то и крылась главная драгоценность образа юноши из сказания.

Чжо Юй потер виски, вглядываясь в книгу. У него возникла новая догадка.

В первую ночь божество пытал лишь вождь, вот почему в первый день их пребывания на Золотом озере явился только один утопленник. А на второй день божество скормили крокодилам, потому-то только что и объявился тот непобедимый крокодилоголовый великан.

Но что будет на третий день?

В душе Чжо Юй уже знал ответ.

Держа в руках книгу, он решил, что в кармане коляски ее больше прятать нельзя. Это же ключевая подсказка, её надо беречь всеми силами! Система ведь выделила ему три ячейки для хранения, может, поместить ее туда?

Чжо Юй несколько раз проверил. И впрямь - ячейка вмещала книгу и позволяла в целости и сохранности призывать ее обратно.

Пока он изучал ячейку, вдруг нащупал на корешке книги что-то шероховатое и неровное.

Чжо Юй приподнял бровь. Скрупулезно ощупав это место, он осторожно поддел заточенной вилкой обложку и, распоров до самого корешка, и впрямь обнаружил в тайнике сложенный клочок бумаги.

Развернув его, Чжо Юй увидел, что тот испещрен цифрами. Судя по их расположению, это был некий шифр.

— Стоп, этот почерк...

Чжо Юй изумленно разглядывал записку. Подкатив к кострищу, он зачерпнул обломок древесного угля и нацарапал на половицах пару цифр, сравнив их с теми, что были в послании.

— Это мой почерк... — пробормотал озадаченный Чжо Юй. Он вертел бумажку и так, и эдак, но смог определить лишь то, что чернила высохли очень давно и даже слегка выцвели.

Чжо Юя вдруг осенило. С трудом сползая на пол, он принялся осматривать собственную коляску.

— "Эверест и Дженнингс"! — вырвалось у него при виде логотипа на внутренней стороне колеса. Будучи инвалидом, к тому же со средствами, он всегда приобретал новейшие и лучшие образцы колясок, отчего прекрасно разобрался в марках медицинской техники.

Этот бренд создал первое в мире складное инвалидное кресло, заложив фундамент компании. Их изобретения до сих пор служили основой для дизайна современных колясок.

Однако... этот бренд был популярен лишь в середине XX века.

И впрямь, в укромном уголке, на раме значилась дата изготовления кресла - оно было произведено в 1938 году.

Чжо Юй воспрянул духом. Он ухватился за хвост своей "загадочной роли"!

Он поспешно заполз обратно в коляску и распахнул шкаф. В два счета стянув с Фан Хао

одежду, он обнаружил, что рубашка имела ярко выраженный деревенский ретро-стиль 80-х. Однако его собственная была еще большим антиквариатом - швы отличались, фабричного машинного производства не наблюдалось.

— Если действие фильма разворачивается в культовых трэш-слэшерах конца 80-х, то я тут явно белая ворона, — заключил Чжо Юй, стукнув правым кулаком в левую ладонь. — Я понял! Понял!

Его персонаж и Чжоу Ву с компанией вообще были из разных эпох! Если судить по коляске - разрыв составлял около полувека! Причем кресло никак не могло уцелеть в таком состоянии за долгие годы. Это попросту противостоит естественности, если только оно не застряло в определенном времени.

Иными словами - он умер пятьдесят лет назад!

Осознав истину, Чжо Юй едва сдерживал радостное мычание. Усмехнувшись, он приступил к обыску всего дома.

Начал Чжо Юй с порога хижины. Даже на дверном косяке виднелось немало старых следов от коляски. Эти узкие бороздки от колес при беглом взгляде можно было бы списать на обычный износ деревянного пола.

Сперва и сам Чжо Юй не обратил на них особого внимания. Но, прожив бок о бок с коляской много лет и приглядевшись, сумел различить эти едва уловимые, неуместные штрихи.

Причем следы колес точь-в-точь совпадали с его нынешним креслом.

Улика была очевидной. Чжо Юй убедился - истинным хозяином этого деревянного дома был не кто иной, как он сам, с виду безобидный "путешественник".

Кроме того, он заметил еще одну любопытную странность, бросившуюся ему в глаза, едва он впервые вошел.

Огромная деревянная хижина была под завязку забита и пилами, и топорами, но хоть убей - ни единого ножа. Обшарив кухню в поисках удобного для маскировки фруктового ножика или хотя бы столового ножа, он не нашел ничего, кроме вилки, с которой и пришлось возиться.

Это была еще одна деталь, на которую товарищи не обратили внимания, зато Чжо Юй насторожился.

Ведь в доме явно жили, но самые востребованные у западного человека столовые и фруктовые ножи будто испарились. Нарочитость этого факта била в глаза.

Чжо Юй покрутил в руках заточенную вилку и, спрятав ее в ячейку, покатил вдоль самых протоптанных следов от колес к комнате с наибольшим их скоплением.

Он условно определил помещение с огромной фреской на стене, смахивающее на кладовую, как "свою комнату".

Здесь его ждало еще более потрясающее открытие.

Комната была забита всяким хламом: досками, обломками мебели и звериными костями. С трудом расчистив завалы, Чжо Юй и впрямь обнаружил у окна квадратные вмятины - следы кровати с четырьмя ножками.

Когда-то тут была спальня.

Стоило убрать мусор, как сразу же бросились в глаза следы жестокой схватки.

Выбоины на полу от ударов тупым предметом, древняя изоленга, отшвырнутая в угол, хаотичные, отчаянные царапины от ногтей... Эти следы оставлены давно. Чжо Юй склонился к мысли, что полвека назад, не позже.

По воспоминаниям, дарованным Системой, полвека назад как раз и начали происходить таинственные исчезновения.

Что же случилось в этой спальне? Вернее, что случилось с ним самим, "путешественником"?

Чжо Юй напряженно нахмурился и вгляделся в отметины на половицах. Вдруг в висках вспыхнула острая боль.

Будто время сместилось: в мозгу замелькали обрывки образов, точно кадры разодранной пленки. Чжо Юй почувствовал, что его обступила толпа. Крепкие руки прижали его ноги.

Он сопротивлялся изо всех сил, бормотал что-то, но его не пощадили. Щиколотки намертво стянули изоляцией, и он лишь бессильно скреб пальцами по доскам, оставляя глубокие борозды, пока не поломал ногти, но спастись не сумел.

— Шевелись, пока этот урод не вернулся! Потом шанса не будет!

— Ха-ха, мерзость какая! Наверное, они это самое, да?

Слова звучали невнятно, но в голосах явственно сквозила злоба.

Вскоре над ухом Чжо Юя засвистел, рассекая воздух, сверкающий серебром топор и обух молотка. Отчетливый хруст - и нестерпимая боль пронзила всё тело.

Чжо Юй очнулся. По лбу струился холодный пот.

Он ощупал свои ноги. Фантомная боль еще горела в них, подсказывая, что это не просто плод воображения, а то, что взаправду случилось с ним.

Бессилие перед лицом безысходности, ярость от предательства, стремление защитить дорогого человека, с которым уже не суждено увидеться... Чжо Юй впервые в жизни испытывал настолько сложные и сильные чувства.

В этот момент он будто слился с "путешественником" воедино.

<http://bllate.org/book/13371/1189431>